

РУССКИЙ
ПРАВОСЛАВНЫЙ
РОМАН

НАДЕЖДА ВЕСЕЛОВСКАЯ

СЫН ИГРО- МАНА

Надежда В. Веселовская

Сын игромана

Серия «Русский православный роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6398383

Надежда Веселовская. Сын игромана: Алогоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0564-1

Аннотация

Вы любите играть в компьютерные игры? Смотрите не заиграйтесь! Виртуальный мир имеет свойство втягивать в себя внутреннюю сущность человека, оставляя в обычном мире лишь телесную оболочку. Так и случилось с героем этой книги, незаметно для себя переселившимся в пространства, которые начинаются по ту сторону монитора. Но его близкие не согласны его терять! На поиск заблудившейся личности отца отправляется сын-подросток, которому предстоит сразиться с электронным разумом. Сумеет ли он вернуться обратно, да еще привести с собой отца, вырванного из обманчивых объятий виртуальности? А в нашем мире, по эту сторону монитора, тоже не все спокойно. Тут тебе и террористы, и опасный экстрасенс, да еще старик-педофил, устроившийся работать в школу... Что же спасет хороших людей по обе стороны монитора? Только Вечные ценности на основе традиционной православной духовности...

Содержание

1	4
2	15
3	19
4	24
5	31
6	36
7	43
8	48
9	59
10	67
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Надежда Веселовская

Сын игромана

*Пора вылезать из ям!..
Реплика случайного собеседника*

1

Наступало первое сентября – день крутых жизненных перемен и, как услышала вчера Ирина в толчее школьной ярмарки, великого переселения народов. Это что-то из истории, точнее она не помнила. Но народы действительно переселялись: в их многоквартирный дом стремительно съезжались возвращавшиеся после летнего отдыха жильцы. Во дворе появились люди, которых какое-то время было не видно. Дверь подъезда все время хлопала, на лифте часто горела красная кнопка «занято». И с каждым днем поднимался градус жизненной суеты, а сквозь нее прорастала тревожная бесшабашность, возникающая в преддверии жизненных перемен. Дети спешили погулять напоследок, взрослые тоже хотели взять свое перед тем, как их затянет в привычную будничную колею. И все рассказывали друг другу о том, где провели отпуск: кто на даче, кто в лагере, многие съездили за границу...

Соседи Стайковы прокатились в Египет. Их Славик, дружок и ровесник Иринино сына Тимки, вздохнул расписывал во дворе свое первое в жизни путешествие. Хвастался, что его катали на настоящем верблюде. Тимку это впечатлило, но не задело: удивительный по натуре мальчик, он умел не завидовать, а радоваться за других.

К тому же ему самому в этот год выпало очень неплохое лето. Фирменная стоматология, где Ирина служила координатором («Достойное качество по доступным ценам» – смотря для кого, конечно, доступным) производила ремонт с установкой нового оборудования, а весь персонал отправили в долгосрочный отпуск. Таким образом, Ирина оказалась свободной на три летних месяца. Ропща и вздыхая вместе с коллегами по поводу вынужденной безработицы, она в глубине души вовсе не чувствовала себя несчастной. Денег у них с Павлом было достаточно, так как поначалу собирались всей семьей к морю. Но потом выяснилось, что у Павла отпуска вообще не будет, пришел какой-то срочный заказ... И тогда Ирина решила пожить с Тимкой в деревне, в деревянном домике, граничащим с лесом, так что даже малина у забора перепуталась: то попадалась лесная, мелкая и душистая, то садовая – крупная, но без аромата. И все три месяца рядом была любимая бабуля, когда-то вырастившая ее в этом домике.

Ирина не помнила своих родителей: отца у нее не было, а мать умерла вдали от дома, на молодежной стройке, куда по-

далась в поисках лучшей доли. И произошло это, когда Ирина пешком под стол ходила. Она знала только свою бабулю, которая и вывела ее в жизнь: после школы отправила в районный техникум, потом отпустила в Москву – ищи, дитятко, свое счастье. И счастье действительно нашлось: в Москве Ирина встретила Павла, родила Тимку. Со временем они стали благополучной, в меру обеспеченной семьей: он работал программистом небедной компьютерной фирмы, она, чтобы вносить свою лепту в семейный бюджет, устроилась в ближнюю стоматологию координатором. А главное, оба во всем были заодно: вились, как ласточки над гнездом, из которого выглядывает птенец – истинный координатор их жизни.

И с жильем им повезло: Павел прежде обитал в трущобном бараке для рабочих, куда вселился еще со своей ныне покойной матерью. Когда они с Ириной поженились, барак снесли, а им, учитывая родившегося Тимку, дали двухкомнатную квартиру. Прямо как в прежние времена, еще до перестройки! Правда, делу помог барак, в котором вообще невозможно было жить. Теперь у них все удобства, в деревню ирининою детства они приезжают как дорогие и, увы, редкие московские гости. И вот довелось пожить с бабулей вдосталь, да еще Тимку выпасти на здоровом воздухе, на лесной-садовой малине.

Но все на свете когда-то кончается, и вот уже на календаре тридцать первое августа. Завтра с утра Ирине предстоит проводить Тимку в школу, а самой выйти на работу, в свою

обновленную стоматологию «Белый коралл». Не то чтобы это огорчало Ирину: после долгого отдыха ей самой хотелось возвращения спокойных, стабильных трудовых будней. Но после приезда в Москву что-то ее внутренне беспокоило, что-то, казалось, было не так. Она сама еще не осознала, что именно. Да и вообще: может быть, это только казалось...

* * *

Ирина достала из шкатулки бусы, приложила к новому нарядному платью. Надо прикинуть, как она будет выглядеть завтра на линейке в школьном дворе. Светка Стайкова, мать Славика, наверняка явится в чем-нибудь сногсшибательном, так что надо не ударить лицом в грязь. День Знаний – праздник ностальгический, он будит в родителях давнюю жажду самоутверждения, зародившуюся еще тогда, когда они сами впервые стояли в школьной линейке. Никакие другие впечатления не стерли в памяти Ирины осенний солнечный двор, где перед двухэтажной начальной школой выстроились первоклассники с окрестных деревень. Позади них умиленно вздыхали родители, среди которых толпилась и иринина бабуля. А вокруг было очень много цветов: клумбы во дворе, букеты в школьной линейке. Шпалерами росли высокие золотые шары – казалось, от них повсюду прыгают крупные солнечные зайчики...

Таким было первое школьное утро Ирины, с которого все

и началось, да и продолжается по сегодняшний день. Школа – это не десять, теперь уже одиннадцать лет обучения, заканчивающиеся выдачей аттестата. Школа – это на всю жизнь: меняются лишь учебные предметы, а ощущение внутри себя остается прежним. С тем же трудом, с теми же успехами – либо отсутствием таковых – поколение Ирины штурмует сейчас вместо Литературы и Математики другие предметы: Коммуникабельность и Доход, а еще Семейные отношения. Вместо Физкультуры – Здоровый образ жизни, включающий в себя необходимость прогуляться, посещение, у кого получится, бассейна и фитнеса, умеренность в питании. А вот Домоводство так и осталось Домоводством, только теперь оно уже не в прикидку, а на кухне, в которой кормится семья. И есть еще один трудноопределимый предмет, не преподававшийся отдельно в школе. Он даже не имеет конкретного названия, однако постоянно ощущается человеком... вот как трепещет перед глазами твой собственный выбившийся из прически локон или отдуваемый ветром край косынки. Самый главный предмет – попытка все, познаваемое со временем, все страдания, все достижения, весь опыт свой уложить в одну общую мозаику. И тогда, может быть, с этого узора на тебя глянет Смысл жизни...

* * *

Стояла глубокая тишина, что при нахождении дома Тим-

ки и Павла само по себе казалось странным. Обычно они устраивали в квартире тарарам: возня, борьба и все прочее... Принимая во внимание, что отец с сыном давно не виделись, тишина за стеной не имела объяснения. Отложив в сторону платье, Ирина пошла посмотреть на своих мужиков, большого и маленького...

Когда она выглянула из спальни, ей открылась весьма выразительная картина. В одном углу комнаты сидел за компьютером Павел, в другом забился в угол дивана явно обиженный Тимка. Казалось, даже его затылок имеет горестное выражение: дескать, никому я не нужен, променяли сына на электронику. Действительно, у Павла был такой вид, словно ему нет дела до Тимки, как и вообще ни до чего на свете, кроме своих занятий. В лице мужа отражалось то напряженное, зачарованное внимание, какое бывает у хирурга, наконец подцепившего на крючок аппендикс, или у рыбака, осторожно выводящего из воды большую, готовую сорваться рыбку. Выходит, тот заказ, из-за которого фирма не разрешила Павлу пойти в отпуск, еще не закончен. Или, может быть, новый подкинули? Так сложилось, что за два дня после приезда она еще не успела ни о чем поговорить с мужем: суета, разборка вещей... К тому же он сам сидит за компьютером, и так, насколько ей помнится, было вчера и позавчера. Стареем, усмехнулась про себя Ирина. Раньше, бывало, полдня не виделись и уже кидались друг к другу с вопросами, новостями и поцелуями.

Вздыхнув, Ирина вернулась в спальню. Сейчас она закончит приготовления к завтрашнему дню, а потом поменяет своих мужиков местами: сына посадит за компьютер, благо он целое лето жил без него, а мужа водворит на диван... И сама сядет рядом, надо же им, в конце концов, поговорить после долгой разлуки. Всякие там «здравствуй» и «все нормально» не в счет. Ирина вдруг поняла, чего ей последние дни не хватало – настоящего, не поверхностного общения с мужем. Чтобы сидеть рядом и говорить, выкладывая себя до доньшка, впитывая взамен его слова, движения, импульсы – все, что из чего складывается его неповторимая личность.

Но человек предполагает, а Бог располагает. «Тили-бом, тили-бом», – прокатился в тишине квартиры дверной звонок.

Было слышно, как Тимка спрашивает, кто там, как в ответ ему зазвучал еще один мальчишеский голос. Похоже, это Славик Стайков. А вот еще женский голос, всегда казавшейся Ирине излишне громким и самоуверенным, – это, конечно, Светка. Значит, соседи пожаловали в гости, придется провести с ними вечер.

Конечно, это были Стайковы: светловолосый Славик, на полголовы выше Тимки, и его мама, никогда не сомневавшаяся в том, что пришла вовремя и ее рады видеть.

– Здравствуй, Ириша, а мы к вам. Скажи моему сыну, куда положить эту громадину, не то он сейчас хлопнет ее на пол! (Славик еле удерживал половину огромного арбуза.) Вот купили сегодня на базаре, а чтобы съесть, нужна ваша помощь.

– Ну что ты, Света, зачем, – слабо протестовала Ирина, принимая из рук Славика плоскую зеленую чашу, снизу твердую и холодную, сверху – красную в черных крапинках, мимолетно пахнувшую в лицо нежной пьянящей зрелостью.

– Как жизнь, Ириша? Давно приехали?

– Позавчера. А вы, я знаю, были в Египте...

– Ну да. Я решила зайти с тобой поболтать. Заодно и про пирамиды расскажу, и о всяких там природных явлениях... Про луну в пустыне!

– Это интересно, – на самом деле Ирине было неинтересно, но воспитанный человек не мог ответить иначе.

– Мальчишки, а вы что встали столбом? – весело прикрикнула Светка. – Взрослые разговоры охота слушать? Нет уж, лапушки, подождите, пока у вас усы вырастут... Павел, привет! – крикнула она в глубину комнаты.

– Привет, – не поворачивая головы, отозвался Павел.

Это вскользь брошенное словцо прозвучало на редкость небрежно. Конечно, Светка была особой болтливой и подчас утомительной, но все же она их соседка. К тому же и Тимка дружит со Славиком. Ирине пришлось замазывать несветское поведение мужа:

– Что же вы встали у дверей? Проходите. Сейчас я постав-

лю чай...

– Можно. Будем чаевничать, пацаны? – жизнерадостно обратилась Светка к мальчишкам. – Ириша, не хлопочи. Раз мы с тобой доростили сыновей до пятого класса, теперь имеем право расслабиться!

– А неизвестно, кто у них будет классным руководителем? – спросила Ирина, ставя на стол чашки и вазочку с печеньем.

– Слухом земля полнится, но полной ясности нет. Кто говорит – такая страшная по литературе, кто – старуха по математике... Ну, помнишь, она в вестибюле дежурила! Еще бросалась на всех, как цепной пес...

Тимка и Славик с интересом внимали светкиному красноречию. Ирина повела на них глазами, напоминая соседке ее недавнюю озабоченность тем, чтобы мальчишки не слушали разговоры взрослых. Светка засмеялась:

– Разве от них убережешься! Пошли бы пока на компике поиграли, а то вон отец совсем уже забалдел! – кивнула Светка на компьютер, возле которого по-прежнему, не меняя позы, застыл Павел. – Нет, серьезно, Ириш, родитель должен быть в школе значимой фигурой. Сейчас об этом везде говорят и пишут. Мы должны действовать по принципу «Доверяй, да проверяй». А то мало ли чего они там напридумают...

– Например? – спросила Ирина.

– Ой, да полный набор! Новые предметы какие-нибудь,

или обязательную продленку, или вот в одной школе был случай: училка собрала с родителей кучу денег – и шторы ей, и коврик перед доской, и еще чего-то... Теперь, говорят, уволилась, а кабинет весь ободранный стоит...

Светкина болтовня одновременно и утомляла, и развлекала. Ирина словно покачивалась на вроде приятных, но все-таки несущих легкое раздражение волнах. Что-то ее раздражало – может быть, вовсе и не Светка, хотя в таком случае вопрос заходил в тупик. Вообще вечер выдался пестрый, с застольем и разговорами, с небольшой усталостью, являющейся неизменной спутницей насыщенной жизни. Пришлось достать из духовки приготовленный на завтра пирог, так как мальчишки прикончили все печенье на столе. Краснел нарезанный дольками арбуз, вздрагивали в кувшине пышные топорщащиеся астры, белые и лиловые, купленные для того, чтобы Тимка отнес их завтра в школу. Надо сказать, сын не комплексовал по поводу окончания каникул и с радостным, чуть тревожным любопытством ждал завтрашнего дня... Ребенок в порядке, муж дома, соседи набиваются с дружкой – что еще нужно женщине, чтобы почувствовать себя счастливой?

Но под конец, когда, перемыв посуду и выбросив в мусоропровод арбузные корки, Ирина скользнула под бок к уже уснувшему Павлу, в ней снова вздрогнуло раздражение, предчувствие какого-то тайного неблагополучия. Но что в сегодняшнем вечере могло насторожить: какое-то сло-

во, жест, чье-то выражение лица? Ирина так и не смогла это вычлениить. А через минуту она уже сама над собой посмеивалась: дескать, закрутилась ты, девушка, даже к мужу вовремя не поспела, пока еще не заснул. Эта Светка Стайкова кого хочешь вымотает, ум за разум зайдет с ее болтовней. Наверно, Павел был прав, выказывая ей нежелание общаться: так и сидел, уткнувшись в свой стакан с чаем, а при первой возможности сбежал опять за компьютер. Видно, голова занята работой. Хорошо хоть Тимке не было скучно, его развлекал Славик. А вот Ирина вдруг почувствовала себя обворованной, словно у ней украли счастливый семейный вечер и чуть ли не семейное счастье вообще. Хотя на самом деле это было смешно: Светка украла ее семейное счастье! Просто абсурд, если учесть, что Павла она раздражала во много раз больше, чем ее саму.

Школьный двор цвел нарядной толпой, гудел приглушенным говором, шуршал-скрипел целлофаном, окружавшим дорогие букеты. Линейки учеников были уже построены: вот малыши, с застывшей в глазах готовностью на страшный провал и на великую радость; вот средние, среди которых растворились Тимка и Славик... А дальше стояли старшие классы: высокомерные, дабы скрыть застенчивость, юноши; девочки, сверкающие новенькой, только что раскрывшейся красотой. И всю эту сердцевину школьной площадки обнимало колышущееся родительское море, нарядное и растроганное. К своему облегчению, Ирина потеряла в нем обоих Стайковых, провожавших Славика. Собственно, она ничего против них не имела, но ей еще предстояло найти Павла, задержавшегося при выходе из дома... Пока она его что-то не видела.

Буквы разные писать

Тонким перышком в тетрадь

Учат в школе, учат в школе, учат в школе, —

вдруг грянуло из динамика, и многие мамы полезли в сумочки за платочками. Эта песня будит у людей чувства: бесспорно радостная, она напоминает взрослым о скоротечно-

сти жизни. Слушать ее все равно как съесть сладкую плюшку на лимонной цедре, где неотъемлемой частью вкуса является пощипывающая язык кислота. Потому что вкус самой жизни замешан, увы, на кислоте, на горечи, от которой в сто раз острее ощущается мимолетная сладость... Ни первоклашки, ни средние, ни юные дурочки, со всех ног спешащие на праздник жизни, еще не знали этой скрытой подоплеки бытия. Знали ее как раз мамы, со времени стояния в школьных линейках перекачавшие в себе непомерно всякой кислоты. И сейчас, умиляясь на детей, они заодно всплакнули о своих собственных пропавших надеждах – обо всем, что не сбылось в жизни...

– Вычитать и умножать,
Малышей не обижать,
Учат в школе, учат в школе, учат в школе!

Но по-настоящему горьких слез здесь пролито не было. Самые горькие слезы могли пролить те, кому вообще не требовалось приходить сегодня на школьный двор. А всех присутствующих так или иначе осенил своими крыльями веющий здесь праздник.

– Книжки добрые любить
И воспитанными быть
Учат в школе, учат в школе, учат в школе...

Когда классные линейки одна за другой исчезли в школьных дверях, торжественное настроение сразу схлынуло. Родители не без облегчения вздыхали, словно сбросив с плеч дорогую, но все же ощутимую ношу. Их ждали собственные дела, оттесненные школьным праздником, а теперь снова вступающие в свои права. Эти дела были их средой, их стихией, в которую родителям уже не терпелось привычно нырнуть. Каждому свое: детям – учиться в школе, взрослым – зарабатывать деньги, разрабатывать новые программы, создавать им пиар, шагать по карьерной лестнице. Кому-то – искать новую любовь... Как все же прекрасно, что у Ирины в этом направлении полный порядок! А карьерное честолюбие ей и так не грозит: координатор стоматологической клиники не может расти, он только зарабатывает свои небольшие деньги. Но и это кстати, и это хорошо как приложение к солидной зарплате мужа.

Пустеющий школьный двор стал лучше просматриваться: Ирина увидела невдалеке обоих Стайковых и отступила за дерево, чтобы не делить с ними обратную дорогу. Между тем она все еще не могла найти Павла, с которым из года в год стояла на этом празднике рядом – с тех пор, как Тимка пошел в первый класс. Видно, муж в свою очередь не нашел ее в толпе и наблюдал школьное шествие с другой точки, а после отправился домой, решив, что там они с Ириной и встретятся. На работу он уходил позднее, а она и вовсе поменялась дежурством со сменщицей, пожилой тетенькой Верой

Петровной. Ее сын шел сегодня в десятый класс и категорически запретил кому-либо из родных появляться на школьной линейке.

Ирина спешила домой сквозь солнечный осенний денек, наперерез изредка слетающим с веток и кружащимся в воздухе осенним листьям. Ей вдруг загорелось скорее увидеть мужа. Несмотря на то, что они провели бок о бок трое суток, она еще не успела его *почувствовать*... не насладились тем душевным вкусом, который был закодирован для нее в слове ПАВЕЛ, не вдохнула его аромат... вот как вчера от половинки арбуза пахло нежной плодовой зрелостью – без этого дуновения красно-зеленый срез ощущался бы не прекрасным плодом, а просто холодным безжизненным муляжом. Так скорее домой – ощутить живой импульс Павла, его тепло, его человеческую близость! Какое счастье, что дорога до дому коротка и через десять, максимум пятнадцать минут они встретятся!

Это ненормальное, обостренное желание увидеть мужа заставило Ирину почти бежать по улице. Интересно, кто из них раньше окажется дома? У нее уже нет сил ждать, ей нужно открыть дверь – и чтобы он был там!

Он был там, но из этого вышло совсем не то, чего жаждала Ирина. Бледный и безразличный Павел едва взглянул на нее и вновь устремил глаза в компьютер. Судя по всему, он вообще не выходил сегодня из дому: его куртка в передней висела точно так же, как в тот момент, когда Ирина, торопясь

вслед за нетерпеливым Тимкой, крикнула мужу, чтобы он их догонял. И кроссовки стояли в аккурат таким образом, как она их поставила, отодвинув подальше от прохода. А с лица Павла не сошло вчерашнее зачарованное выражение хирурга, подцепившего скальпелем аппендикс, или рыбака, выводящего из глубины большую рыбину... словно он с тех пор не переставал думать о чем-то, притягивающем его из глубины дисплея...

– Ты что, не был на школьной линейке?

– Не был, – неживым эхом откликнулся он.

– Тебе не хотелось в такой день проводить сына?

Павел не ответил, и Ирина вдруг испугалась, что он не ответит ей уже никогда. И вообще не будет с ней разговаривать, а останется для нее как фотография – застывшее лицо с неподвижным взглядом, устремленным на что-то неведомое...

– Если бы хотелось, я бы пошел. Давай обойдемся без лишних объяснений.

Это говорил совсем не тот Павел, которого она знала. Тот, настоящий, готов был горы свернуть, лишь бы самолично отправить Тимку первого сентября в школу. Однажды он еще в прежней фирме крупно повздорил с начальством, которому заблагорассудилось послать его первого сентября в командировку. Вследствие чего и стал необходим переход на новую работу.

– Павел, я не понимаю, Павел, подожди, Павел, – говорила

Ирина, проходя вслед за ним на кухню, где он включил газ и поставил чайник. – Да что же это такое...

– *Что* такое? – спросил он с интонацией робота. – Что особенного произошло?

– Ты отвык от нас с Тимкой, – уже чуть не плакала она. – Не разговариваешь, вообще не обращаешь на нас вниманья. Вчера весь вечер просидел за компьютером. И ночью – я думала, ты так сразу не заснешь... ведь мы сколько не виделись! – и дальше само собой сказалось еще не осознанное до конца, скороспело вырвавшееся со дна души: – У тебя что, любовница появилась?!

– Сразу и любовница, – чуть усмехнулся он.

– Нет, ты ответь! Пожалуйста, скажи однозначно, да или нет?

– Глупости, – обронил Павел, наливая в стакан чаю.

Дальше он курсировал по квартире, собираясь в свою фирму, запирался в ванной, откуда вышел выбритый и пахнущий туалетной водой, переодевался... А Ирина все это время ходила за ним как собачка и лезла из кожи вон, пытаясь выжать из него хоть какой-нибудь признак прежнего любящего мужа:

– Я тебя очень прошу... Павел, я умоляю – поговори со мной по-человечески...

Она барахталась в унижении, понимая сама, что делает все неправильно. Если действительно появилась любовница, надо не выявлять, а, наоборот, затушевывать этот факт, что-

бы верней сохранить мужа. Стать спокойной и отстраненной, даже слегка рассеянной, как будто ничего не замечаешь... Жить ожиданием, чтобы все кончилось само собой. Ей нельзя рисковать, хотя бы из-за Тимки, который, в случае чего, не перенесет разлуки с отцом. Ведь они были так близки... (ох, неужели в прошедшем времени?!)

Но она столь жаждала услышать от Павла нечто утешительное, что продолжала выпрашивать, следуя за ним по пятам:

– Павлик, ну скажи... ведь я же переживаю... скажи, прошу тебя, я должна узнать!

– Что ты хочешь знать? – наконец остановился Павел, уже шествовавший с дипломатом в переднюю.

– Есть у тебя другая женщина?

– Я же сказал, что нет.

И он хлопнул дверью, а Ирина так и осталась стоять в прихожей, прислонившись к дверному косяку: не было сил держаться на ногах без опоры. Он сказал «нет», и что-то внутри нее отозвалось внутренним согласием: она почувствовала, что это правда. Но странное дело: вместо огромного облегчения, вместо острой радости после пережитых страхов Ирина испытывала сейчас то самое гнетущее чувство, донимавшее ее со дня возвращения в Москву. Вроде все хорошо, да нехорошо. На всех них напоздало нечто гадкое и опасное, и коренилось оно не в каких-то обстоятельствах извне, а в самом Павле. Несмотря на то, что сказал он правду – любов-

ницы у него действительно нет.

Если первоклашки – новички в школе, то пятиклассники – новички средней ступени, на третьем, старшем, этаже. Раньше он был для них под запретом, а теперь новая учительница, «страшная по литературе», как говорила Славкина мама, сама привела их туда и впустила в класс. Здесь пахло новизной: недавно высохшей краской, еще не выветрившимся линолеумом и свежим пластиком, набитым на бортики столов. Это был запах новой жизни, на ступень ближе к жизни взрослых: то младшая школа, а то уже средняя. Начинать учебу в таком классе дух захватывает, словно мчишься на большом папином велосипеде, которым еще не умеешь как следует управлять. Страшно упасть с разгону, но все равно здорово... Ни за что не захочешь пересесть на свой привычный низенький «Аистенок».

Наконец 5«А» разместился в классе и начался первый урок, состоящий в основном из разных объявлений и объяснений. Ведь никто из ребят еще не знал, какие правила в средней школе...

«Страшная по литературе» оказалась совсем не страшной: она говорила спокойным голосом, часто улыбалась и очень понятно все объясняла. Наверное, Славкина мама назвала ее страшной потому, что нос учительницы был приплюснутый, глаза выпуклые, а все лицо как будто вдавлено

внутри. Но какая разница? Тимка считал, что красивыми бывают только девочки, а взрослым тетенькам это вообще ни к чему...

Новая учительница записала на доске названия всех предметов, и как какого учителя зовут. Саму ее звали Людмилой Викторовной. Вдруг дверь задергалась, как бывает, когда в класс заглядывает кто-то из коридора, и она сказала:

– Входите, пожалуйста, вы как раз кстати. Ребята, в этом году с вами будут работать не только учителя, но еще и психолог. Вот познакомьтесь – Артур Федорович Неведомский.

Тимка не знал, что значит психолог, и посмотрел на Славку. Славка со своего места развел руками – он тоже не знал. В класс вошел полный дяденька с серыми, зачесанными за уши волосами, в расстегнутом пиджаке (может, ему тесно было застегиваться, потому что у него над брюками выпирал большой живот). Дяденька смеялся всем лицом и вроде как подмигивал – всякий дурак сразу понял бы, что он не учитель. А психологу, значит, так положено... В общем, интересный дяденька, только приходилось следить, чтобы не встретиться с ним глазами, потому что взгляд у него был веселый и острый, как щекотка. От такого взгляда обязательно вздрогнешь, а Тимке нельзя: врач-невролог, к которому они ходили с мамой, велел «избегать острых ощущений». После этого папа перестал щекотать его во время возни на диване и не подбрасывал больше под потолок. А вчера он вообще не обращал на Тимку внимания, хотя они столько времени

не виделись...

– Расскажите, как вы будете заниматься с ребятами, – попросила психолога Людмила Викторовна.

– Заниматься? – переспросил дяденька, прикидываясь удивленным. – Ребята, вы что, хотите, чтобы я с вами занимался?! Ведь у вас и так всяких занятий не под завязку! – дяденька чиркнул себя ладонью по горлу. – Мы с вами будем просто общаться и получать от этого удовольствие. Я хочу, чтобы вы приходили ко мне, как к другу. А что делают друзья, когда встретятся?

– Играют, – пискнула маленькая Карлова, которая всегда была выскочкой, – вот даже этого странного психолога не побоялась, лишь бы вылезти со своим ответом.

Он хохотнул, как мог бы, наверное, хохотнуть Карабас Барабас:

– Правильно, моя умница. Такие друзья, как вы, конечно, играют. Впрочем, взрослые тоже, но только игры у них свои... – Тут он нахмурился и потер ладонью лоб. – Однако я хотел вам сказать, что друзья еще и помогают друг другу. И когда у вас возникнут в жизни проблемы, я готов вам помочь.

– Спасибо, Артур Федорович, – за весь класс ответила Людмила Викторовна. – Это очень важно.

– Итак, друзья мои, жду вас на четвертом этаже, кабинет рядом с учительской... До скорой встречи!

Не успели все прийти в себя после этого странного психо-

лога, как перед классом появилась тетенька из ЦДТ – Центра детского творчества, находящегося на соседней улице. Она приглашала записываться в разные кружки. А после еще одна, в свитере и спортивных брюках, сказала, что в их районе есть детский клуб «Путешественник». Это для тех, кто любит ходить в походы.

Все сразу закричали:

– А когда пойдем?

– А в какое место?

– С ночевкой?

– А можно взять с собой брата... сестру... родителей?

Тетенька, смеясь, зажала уши и покрутила головой:

– Когда и куда пойдем, я вам сообщу. С ночевкой, да. А насчет того, чтобы брать с собой домашних, – это, к сожалению, не выйдет. Ведь у нас не семейный клуб, спальные места ограничены. Вот если вы принесете свою палатку...

Класс приуныл: видно, с палатками была, что называется, напряженка. Только Аркашка Меньшибратов решил еще поклянчить:

– А собаку можно взять? Ей отдельного места не надо. Она у меня на животе будет спать...

– Нет, ребята, давайте без собак, – не согласилась тетенька. Потом она сказала, что первый поход будет в конце сентября, а записываться надо заранее, прийти в клуб «Путешественник» и записаться.

И тут уже прозвенел звонок.

– Пойдем? – спросил на перемене Тимка у Славика.

В это время мимо проходил щекастый Денис Коротков, знаменитый тем, что его тетя работает в детской комнате полиции. Каждый год она выступала у них в классе, рассказывала, как надо себя вести, чтобы с тобой не случилось ничего плохого: не входить в подъезд с незнакомыми людьми, не рассказывать о себе первым встречным и не садиться в чужие машины. И дверь никому не открывать, если ты один дома.

– В походы хотите ходить? – уточнил Денис. – Да вы что?! Между прочим, в таких походах детей воруют. Уйдешь, а назад не придешь. Почему нельзя родителей с собой брать? – Денис прищурил от важности глаз и надул свои без того толстые щеки. – Потому что они спросят: «А зачем это вы нашему ребенку маску на лицо положили и куда это вы его на своей машине увозите?»

– Сильно! – не выдержал кто-то из крутившихся рядом.

– А из-за чего, по-вашему, нельзя брать с собой собаку? – еще больше заважничал Денис.

– Потому что будет защищать хозяина, – догадался пораженный Тимка.

– Вот-вот! Тоже еще придумают – походы! – и Денис, фыркнув, хотел уже отойти, как вдруг кто-то сзади сказал:

– Ну тогда давайте в Центр творчества запишемся.

– Ку-даа? – переспросил Денис, нарочно сморщившись, словно ему под нос сунули банку с тертым хреном. – В Центр

тво-орчества? А ты знаешь, какие там бывают кружки? Не знаешь, так и не говори...

– Ну какие? – не выдержал Славик.

– Нет гарантий, что нас там не будут использовать, – оттопырив губу, значительно произнес он. – Обирать... как это... энергетически. И вообще, некоторые занятия плохо влияют на психику детей, вот!

– Слушай, Деня, я давно хотел у тебя спросить, – вдруг заговорил Славик, незаметно подталкивая Тимку локтем. – Скажи, пожалуйста, ты ведь все знаешь... А по улицам можно ходить?

Все засмеялись. Обиженный Денис задергал плечом:

– Вот когда тебя украдут или еще что, тогда ты будешь спрашивать. Мне тетя рассказывает...

– Ну что она тебе рассказывает, твоя тетя?

– Вот то и рассказывает! Взрослых крадут, не то что таких, как мы!

Тимка отошел от ребят и сел в сторонке на корточки, привалившись спиной к стене. Ему вдруг стало грустно, даже в носу защипало. Как сказал Денис: «Даже взрослых крадут...» Может быть, его папу тоже украли? Того, настоящего, который любил их с мамой и всегда обращал на них внимание... А тот, что сидел вчера за компьютером, может быть, вовсе и не папа?

С Тимкой бывало так, что он сам что-нибудь придумает и сам же потом не может это придуманное забыть. Вроде бы

полная чепуха: как можно сказать, что человека украли, если он тут, рядом? Но Тимке словно нашептывал кто-то на ухо: «Украли... украли!» – и смеялся неживым смехом, похожим на лязганье больших ножниц.

– Валентина, проверь рюкзаки, – сказала директор клуба, старорежимная гримза Кира Михайловна. – С прошлого похода, по-моему, несколько лямок вот-вот оборвутся. Посмотри, пока время есть...

Валя направилась к рюкзакам, висящим в кладовой. Ее догнал голос начальницы:

– Была ты сегодня в школе?

– Как же, Кира Михална, – бодро откликнулась она.

С начальницей можно было говорить только оптимистическим тоном, иначе выходило себе дороже. Если допустишь интонацию, соответствующую твоему истинному настроению, нетерпимая к проявлениям упадка и безысходности старуха начнет придирается на каждом шагу.

– Ну и как народные настроения? Есть желающие завязать с нами дружбу?

– Желающих хоть отбавляй, – отрапортовала Валя. – И такие чудики ребятки, все хотели взять кого-то с собой: родителей там, друзей, кошку-мышку. Один говорит: моей собаке места в палатке не надо, она у меня на животе будет спать!

Вполне счастливая, старуха зашла в низкий басистым смехом, а Валя прошла в пахнущую резиной, длинную и темную кладовую, где с одной стороны лежали в мешках палатки, а с другой висели на крючках рюкзаки. У некоторых из

них лямки, действительно, держались на честном слове. Но дело было не в этом! Дело было совершенно не в этом...

– Валентина, поди сюда, посмотри в окошко. Что это он там стоит?

На улице, напротив их клубной вывески «Путешественник» торчал восточный человек лет под сорок, в костюме с иголки, как все они одеваются, стоит им выйти из-за рыночных прилавков. В соответствии со своей генетической традицией часами глядеть на луну, незнакомец застыл на месте, не сводя взгляда с их входной двери.

– Что ему надо, ты как считаешь? – забеспокоилась старуха.

– Ой, да не нервничайте вы. Ну, просто остановился человек, думает о чем-то своем. Может, не знает, как пройти, куда ему надо...

– Но почему напротив нас?! Вдруг это террорист, выглядывает, куда засунуть бомбу...

– Террорист! – Валя, не удержавшись, фыркнула в кулак. – Террорист бы куда-нибудь в другое место пошел, что-нибудь другое взрывать! Нужны ему наши рюкзаки...

А про себя она вдруг подумала, что, может быть, это было бы неплохо. Гори они синим пламенем, все эти оторванные лямки, запачканные землей палатки, все сметы-отчеты, ведомости, списки членов клуба и прочее. И они с Кирой в придачу. Старухе давно уже пора на тот свет, а ей, Вале, до жути все надоело, вся ее безрадостная и совсем ненужная

жизнь. Самое страшное, что ничего нельзя изменить. Женщина среднего возраста, средних способностей, средней степени миловидности – казалось бы, почему ей не иметь среднестатистического уровня счастья? А счастья не было ни на грош. Да и откуда оно возьмется, если женщина изо дня в день крутится возле этих злополучных рюкзаков, только и знает что надевать их на спины малолеткам? А когда с ними в поход идет мало-мальски симпатичный мужчина, то это обязательно чей-нибудь отец...

От таких не в первый раз приходящих мыслей заныл зуб. Был у Вали один такой незалеченный, время от времени напоминающий о себе. Лечить его в районной поликлинике не брались, ссылаясь на какие-то специфические сложности, скорее всего, в действительности не существующие. Якобы особый случай и у них нет надлежащего оборудования. На самом деле, конечно, им просто не хотелось возиться: с какой стати, если это все равно дополнительно не оплачивается. А пойти в платную стоматологию у Вали не хватало духа: непросто вот так взять да и выложить одним махом половину своей зарплаты.

– Кирочка Михална, – вслух сказала она. – У вас нет анальгинчику? Что-то у меня зуб заболел.

Директорша принялась шарить в своем ридикюле времен первой пятилетки, но ничего оттуда не выудила. Оказалось, вчера, мучимая ломотой в пояснице – память о посвященных туризму годах, – она прикончила все свое болеутоля-

ющее. Однако, воспитанная на принципах коллективизма и взаимовыручки, старуха не могла видеть, как товарищ по общему делу кривится рядом от боли.

– Поди сходи в аптеку. Рюкзаки подождут – все равно ты в таком состоянии не работник...

Валя живо собралась и пошла. Кроме прочего, ей хотелось вырваться из надоевшего, пахнущего резиной подземелья на свежий воздух, пройтись по открытому пространству. Вдоль проспекта ветер гнал желтые подвядающие листья: еще не сухие, но уже и не летние, полные молодых соков... словно она сама. Придет время, и ее плоть станет высохшим листком, а она все будет работать здесь же, в этом детском туристическом клубе, разве что на месте старухи. И ничего в ее жизни не изменится.

День Знаний, уже переживший свой утренний апофеоз, потихоньку доцветал на проспекте. Гаврики как раз закончили учебу и высыпали из школ на улицу. Самые маленькие расходились по домам под почетным конвоем взрослых: многие родители отпросились сегодня с работы, чтобы встретить ребенка из школы и проводить домой. А заодно попраздновать с ним. Взрослые с детьми создавали на проспекте атмосферу особой торжественности, заслуженной гордости собой и друг другом: как же, одни выросли – другие вырастили, есть чем похвастаться в первый школьный день. Вальяжного вида бабушка подвела свою первоклашку к ларьку выбирать мороженое. Было ясно, что именно эта

возможность выбора останется для девчушки самым счастливым воспоминанием: когда выбираешь, кажется, что твои возможности безграничны.

У Вали сжалось сердце: ну почему первый же аборт навсегда лишил ее материнства? И зачем она пошла на этот аборт? Можно было вырастить ребенка без мужа, раз уж не получилось создать семью, а для присмотра привезти из пригорода свою тетку-пенсионерку... Как-нибудь прожили бы, не умерли! Вопрос решался семь лет назад – не продешеви она тогда, и картина с девочкой и старухой могла бы иметь к ней самое непосредственное отношение...

Валя достала платочек, чтобы промокнуть вспотевший лоб, ну и глаза заодно...

– Дэвушка? – с восточным акцентом сказали сзади.

Небольшая школьная комнатка психолога была обставлена изысканной, красивой и удобной мебелью: круглый столик, два низких кресла и замшевый диванчик у стены. На столе вазочка, в ней – голая ветка изогнутой как змея японской сакуры. А возле двери теснились плотно набитые в ведро с водой гладиолусы, георгины, астры, гвоздики, розы, от которых на всю комнату наносило нежным цветочным запахом.

– Можно к вам, Артур-сан? – спросил за дверью твердый молодой голос.

– Входи, Кимушка, – отозвался психолог Артур Федорович. – Милости прошу к нашему шалашу.

В комнату зашел невысокий смуглый человек крепкого сложенья, черные волосы которого резко контрастировали с белым полотняным костюмом. Глаза у него были словно два не до конца прогоревших уголька, вспыхивающих порой в темной глубине красноватыми точками. От всей его складной, словно напружиненной фигуры исходила нетерпеливая энергия.

– Неужели ты вот так нараспашку по улице шел? – не скрывая восхищения, покачал головой Артур Федорович.

– Я в кимоно и зимой хожу, не то что сейчас. Тем более от Центра до вашей школы не более километра...

– Да, Ким, вот я и передвинулся, выходит, на километр. В Центре нет теперь драмкружка... Или уже завели новый?

– Не успели. Да вы не расстраивайтесь, Артур-сан, всегда можно переиграть...

– У тебя все просто, самурай. А я уже пожилой человек, много повидавший и, увы, много переживший. «Я хочу свободы и покоя», как Лермонтов, «Я б желал забыться и заснуть!»

– Ну-ну, это слишком, – оборвал Ким. – Кто забудется, того разбудят. Из океана сущего выпасть нельзя. Водку пить будете? – Гость достал из-за пазухи бутылку «Столичной».

– Ба-а, да ты понимаешь, где мы с тобой находимся? Да ты знаешь, что будет, если директор или кто еще...

– А у вас разве нет ключа?

Артур Федорович театрально шлепнул себя по лбу, потом достал, пошарив в кармане, ключ и запер дверь изнутри. Ким тем временем ставил на круглый столик пластмассовые стаканчики и такое же блюдо, на которое высыпал из пакета горсть кроваво-ярких ягод кизила. Блики от них заиграли в его глазах, перекликаясь со вспыхивающими внутри точками.

– Выпьем, Артур-сан.

– Отчего же теперь не выпить, – кивнув на запертую дверь, согласился хозяин комнаты. – В водке есть витамин, сказал Хо Ше Мин. Твое здоровье, самурай!

– За торжество сущего, – не согласился Ким. – И за боевые

искусства Востока.

В третий раз выпили за музу Мельпомену, которой Артур Федорович был предан с юности: сперва он пытался сделать артистическую карьеру, потом долгое время руководил драмкружком. А вот на старости лет пришлось переквалифицироваться в психолога, благо у него завалилась давняя справка об окончании соответствующих курсов. Эх, жизнь пропащая... После третьего тоста Артура Федоровича развезло, на его оплывших щеках проступила мелкая розовая сыпь, а глаза застлали прозрачные слезы. Он вертел в пальцах пустой стаканчик, заглядывал в него, словно ища на дне осадок того самого витамина, о котором высказался азиатский лидер:

– Вот ты пьешь, Кимушка, и все крепенький как огурчик. А во мне спиртное рождает слабость. На слезы и на слова... Я ведь сейчас тебе все свои тайны могу выдать!

– Да какие там тайны, – махнул самурай своим полотняным рукавом. – Будто я их и без вас не знаю, коли на то пошло!

– Спорим, что не знаешь! – Психолог в возбуждении пристукнул о стол ладонью.

– Что на кон?

– Все эти цветы, – плавным жестом артиста повел рукой Артур Федорович в сторону ведра с букетами. – Все эти букеты, принесенные в школу невинными детскими руками...

– Нужны они мне, – отмахнулся гость.

– Ты только подумай, скольких баб сможешь осчастливить, ибо каждая решит, что цветы куплены специально для нее. И недешево! Ведь бабы не догадываются, откуда...

– Что это вы все о бабах, Артур-сан? – прищурился Ким. – Можно подумать, они вам очень нужны! Будто я не знаю, что ваши, скажем так, интимные предпочтения лежат в другой сфере...

– То есть как это... в другой? – повторил Артур Федорович, сорвавшись на шепот.

– А вот так. Будто я не знаю, из-за чего вы бросили в Центре драмкружок! А потом достали какую-то липовую справочку о психологии и заделались школьным душецелителем, благо подвернулась возможность. Я знаю, почему именно школьным!

Артур Федорович издавал не вполне членораздельные звуки, выражающие потрясение, страх и сконфуженность.

– Да вы не переживайте, сан, – покровительственно усмехнулся ничуть не смущенный Ким и бросил в рот ягоду кизила. – Это еще не то, из-за чего стоит переживать...

– Не то? – ошарашено переспросил Артур Федорович.

– Вот именно. Это житейская мелочь, не имеющая прямого отношения к серьезным вещам. А иначе наш разговор был бы совсем иным.

– Но откуда ты... – вдруг забеспокоился Артур Федорович. – Это что – видно по мне, по моей манере? Как я что делаю – заметно, да?

– Ничего не видно и ничего не заметно. Работайте себе в школе, если вам так нравится. А детей, которые к вам придут, направляйте еще в ЦДТ, в секцию боевых искусств Востока. Мне как раз нужны на первых порах такие, которые ходят к психологу...

– Какие? – не понял Артур Федорович.

– Ну рефлекслирующие, неуверенные в себе...

– А зачем они тебе, Кимушка? – вылупил глаза собеседник. – Ведь ты не...

– Нет, я не потому занимаюсь с детьми, – вновь усмехнулся Ким. – У меня другие цели. – Его удивительные красноватые точки опять блеснули в абсолютно черных глазах. – Знаете, сан, мои занятия связаны с мировоззрением. И дети мне нужны всякие, но с податливых легче начинать. Чтобы уже без осложнений...

– Разве они тебе противодействуют, Кимушка? Тебя нельзя не послушать: и по дисциплине боевых искусств... и по характеру... Мне самому подчас хочется упасть перед тобой на колени и молить, чтобы ты меня пощадил... – лепетал Артур Федорович заплетающимся языком. Очевидно, так сказывалось эмоциональное потрясение, усиленное действием алкоголя.

– Возьмите себя в руки, Артур-сан. И не выходите отсюда сразу, сперва смочите платок, – Ким кивнул в сторону ведра с цветами, – и оботрите физиономию. Она у вас розовая, как спина осьминога.

– Мудрый совет. Непременно исполню, непременно...

– И присылайте ко мне в секцию мальчишек, договорились? Безвольных, запуганных, которые в случае чего боятся возвысить голос. Я бы, конечно, справился и в ином случае, но не хочется сразу иметь дело с родителями. Родители – это уже следующий этап... Словом, посылайте их ко мне, а уж я разберусь!..

Артур Федорович с растерянным видом кивал.

– Договорились? – нажимал Ким. – Значит, жду в Центре рекомендованных вами мальчишек. И девочек тоже. Но ведь вы будете работать именно с мальчишками, не так ли? – подмигнул он своим антрацитно-черным глазом. Артур Федорович после последней фразы уронил отяжелевшую, с явными залысинами голову на скрещенные руки.

– Хорошо, что моя ветка стоит у вас на столе, – как ни в чем не бывало продолжал Ким, трогая двумя пальцами извилистую сакуру. – Она одна стоит сотни таких цветов, как ваши! – презрительно скривился он в сторону набитых в ведро школьных букетов. – Через три дня от всей этой мишуры ничего не останется! Разве такой должна быть настоящая красота?

– Она на змею похожа, Кимушка. Я, конечно, поставил ее на вид, как твой подарок... но ведь это совсем гадюка...

– А что такое гадюка, как вы себе представляете? Сочетание ума и силы!

– Но ведь змея, змеиный яд – символ зла... Адама и Еву

кто искушал? – нетвердым языком пытался спорить психолог.

Но Ким не желал выслушивать никаких возражений.

– Змея символ мудрости, а с помощью яда она утверждает свое могущество! – отрезал он. – Мы должны не губы кричать, а учиться на ее примере...

С этими словами он ловко поддел со стола ключ и через секунду исчез за дверью.

Внешне Ирина продолжала жить, как прежде: работала, ходила по магазинам, дома стояла у плиты, мыла пол, запускала стиральную машину. Только очень внимательный человек мог бы заметить в ней перемену: она стала больше молчать. Раньше, когда, бывало, медсестры и регистраторши, собравшись вместе, начинали жаловаться на жизнь: вот, мол, сидят они, бедные, в клинике с утра до ночи, а дома еще гора всяких дел, – голос Ирины тоже звучал в этом хоре не из последних. И на мужа она была не прочь посетовать: дескать, такой-сякой, по хозяйству помогает мало, а в театр вообще не вытащишь. На самом же деле эти жалобы были своеобразным кокетством, ибо таили в себе оттенок похвальбы. Мало помогает, когда у многих мужья не помогают совсем. А сколько женщин были бы счастливы назвать своей главной проблемой с мужем то, что его трудно вытащить в театр! И вообще, искусственно приbedняясь в оценке своей семейной жизни, Ирина давала собеседницам понять, что ее критерии в данной области весьма высоки.

Теперь наступила полоса молчания. Говорить хотелось только об одном, а об этом она не могла никому сказать из гордости. Разве что бабуле, но та была далеко. Ирина молчала с медсестрами, в который раз полощущими, как стирку, тему своей обездоленности; молчала со Светкой Стайковой,

без умолку трещавшей о том, что теперь ее Славик будет ходить в походы, на карате, плюс к школьному психологу, и недоумевавшей, почему все это не колышет Ирину относительно Тимки. Молчала с соседями, со случайно встреченными знакомыми, в магазинах, где вспыхивали спонтанные обсуждения товара. Горло у нее теперь постоянно сжимал внутренний обруч, и даже необходимые слова подчас давались с трудом.

Известно, что существует медицински обусловленная связь между немотой и глухотой. Онемевшая Ирина перестала слышать, в смысле воспринимать сложную информацию. Она теперь понимала лишь самое простое: да, нет, сколько стоит, что надо сделать по хозяйству. В клинике она механически поднимала телефонную трубку, давала информацию, вела запись к врачам, искала карты, выписывала квитанции. Так мог работать почти глухой человек.

Она не слышала даже Тимку. Первого сентября он пришел домой бледный и какой-то взъерошенный и тут же кинулся ей, как в детсадовские времена, головой в колени. Оказалось, сынишкой завладела навязчивая идея – будто у них украли папу. Якобы его подменили: был настоящий, а теперь сидит за компьютером некто внешне похожий на него, но на самом деле совсем другой. Тимка стал говорить об этом из раза в раз, и однажды она, чувствуя в душе то же самое, произнесла почти бессознательно, не соображая, с кем говорит: – Да, украли... украли у нас нашего папу!

На Тимку эти слова подействовали так, что Ирина моментально встряхнулась. С сыном началась самая настоящая истерика: рыдания грозили перейти в конвульсии, его трясло. Детский невролог предупреждал, что у Тимки есть какая-то судорожная готовность, и любая мать должна была испугаться, наблюдая этот самый настоящий припадок. Когда Ирина с бесполезным стаканом воды стояла над задыхающимся, бледным и опухшим от слез ребенком, в двери стал поворачиваться ключ. Пришел Павел.

– Что у вас тут такое?

Это уже было облегчением: Павел их заметил! В нынешнем своем состоянии он мог вообще не принять во внимание больного сына, не говоря уж о ней самой. Но он их заметил! Окрыленная этой неожиданной радостью, Ирина возбужденно заговорила:

– Павел, Тимке плохо! Он стал сильно плакать и теперь не может остановиться... Боюсь, чтобы не перешло в судороги. Наверное, это потому, что последнее время... ну, ты понимаешь... Ладно, не будем об этом!

Ей казалось дико выяснять отношения над все еще не пришедшим в себя, хотя и стихшим немного Тимкой. Но с другой стороны, лучшего времени вскрыть этот гнойник не предвиделось. Если Павел сейчас приласкает Тимку, может быть, тем все и закончится – навсегда уйдет из их жизни то страшное, что, поселившись у них, неуклонно разрасталось, захватывало всех троих своими щупальцами и тянуло в об-

щую мясорубку.

* * *

Ирина застыла, ожидая, что сделает сейчас Павел. А он наклонился и поднял с дивана Тимку, сразу сцепившего руки за отцовской шеей. Понес сына в спальню, очевидно, решив, что там ему будет спокойнее, и опустил на широкую родительскую софу. Счастливая Ирина вбежала следом и, едва дыша, остановилась у двери. Выходит, Тимкино состояние прорняло Павла, и теперь он станет прежним, как остановившиеся часы после встряски вновь начинают стучать. Господи, неужели правда...

* * *

Потом он вышел – наверное, посмотреть, нет ли в аптечке подходящих капель. Ирина не двигалась, боясь спугнуть чудесное обретение настоящего Павла словом, жестом либо еще каким проявлением своего присутствия. Так она простояла минуту, а может быть, две, три, четыре ...

– Папа!.. Где папа?! – приоткрыл Тимка один припухший после рыданий глаз.

– Здесь, милый, здесь. Ты же его только что видел. Ты знаешь теперь, что никто его не украл...

– А где он сейчас? – охрипшим голосом спросил настрадавшийся ребенок.

Действительно, Павлу уже полагалось возвратиться: не столь велика была их домашняя аптечка, чтобы рыться в ней более трех минут. Особенно если тебя ждет больной ребенок, лучшее лекарство которому – твое присутствие. Однако его все не было...

Ирина выглянула из спальни и увидела как раз то, о чем уже подспудно догадывалась и во что боялась поверить: Павел сидел в большой комнате за компьютером. Переноса сына в спальню, он просто расчищал таким образом путь к своему любимому ящику. Просто освобождал место. Вы, мол, там болейте и умирайте, с ума сходите, только меня оставьте в покое. И вот тогда стало ясно, что его действительно *украли*, ибо *сам* он так поступить не мог. Это уже действительно был не Павел, а кто-то другой... кукла, сделанная по образцу человека. А поскольку человек отличается от двигающейся и мыслящей куклы наличием души, получалось, что у Павла украли душу.

Раньше Павел частенько вспоминал свое детство, особенно глядя на сына. Когда он сам переживал нынешний возраст Тимки, они с матерью обитали в бараке на рабочей окраине Москвы. Отвратительное, надо сказать, было место: какие-то серые пустыри вокруг блочных двухэтажных домов, переполненные мусорные ямы, раскисающие в период дождей дороги. Впрочем, тогда окружающее воспринималось иначе. Удивительно, но факт: все мальчишки, и в том числе Павел, чувствовали себя среди этих жутких трущоб как рыба в воде. Сколько игр переиграно, казавшихся тогда страшно интересными, а теперь, как взглянешь из сегодняшнего далека, на удивленье тупых и диких. И негигиеничных! Павел задним числом содрогался, вспоминая, например, кости сдохших собак, заменявших в игре казацкие сабли, и прочее барахло со свалок, окружавших их родные дома. Порадившись, ободравшись в этих не по дням, а часам растущих ямах, они просто стирали грязной ладошкой кровь – и никаких тебе укулов от столбняка!

Мать Павла была ограниченной женщиной, хотя прежде он этого не понимал. В детстве и в юности Павел очень любил мать, не замечая ее очевидных недостатков. И потом не замечал, до самого последнего времени. Лишь этим летом, беспристрастно поразмыслив, он пришел к выводу: вся

жизнь матери была столь же серой, сколь и увенчавший ее могильный холмик, на котором он пытался выращивать цветы, но прививались только самые примитивные: выюнок, ромашка... Мать была женщиной низких запросов: поработать, сварить овощной суп, погладить сына по голове, — вот и день прошел, и слава Богу. Она боялась всяких нововведений, исполняла все требования заводского начальства и ответственного за барак, никогда не ездила в транспорте без билета. Дома у них процветало мещанство: шитые салфеточки, стирки со щелоком, рассыпаемые вдоль плинтусов порошки от тараканов. Потолки белили зубным порошком, новые обои клеили раз в пять лет с помощью крахмала, сваренного из картофельной муки. И так далее и тому подобное.

О своей внешности мать почти не заботилась. Рано овдовев (Павел вообще не помнил отца), сразу записалась в старухи: стала свертывать волосы пучком, носить туфли на низких каблуках и навсегда вросла в один и тот же коричневый жакет, в котором и стоит как живая перед глазами.

Мать беспрестанно заботилась, в сущности, ни о чем, выкладывалась без результата. Правда, она вырастила его, но если бы не чудесное превращение, на которое он набрел случайно, жизнь Павла обернулась бы прозябанием, как и ее собственная. Вот об этом его мать не подумала: для чего растит сына, будет ли он счастлив. Последнее время Павел старался реже о ней вспоминать. Но образ матери словно караулил минуты, когда ему случалось расслабиться: глядь,

и опять мелькнул в памяти коричневый жакет, озабоченное лицо, чего-то просящие глаза.

И со школой получалось примерно то же: он точно помнил, что любил свою школу, но если посмотреть на нее из сегодняшнего дня – да это же просто катастрофа! Чего стоили одни сборы макулатуры и особенно металлолома, в изобилии водившегося в уже упомянутых ямах. Как убивались они, мальчишки, превращавшиеся на это время в муравьев, тянущих на спину непосильную ношу! Наверное, у многих его одноклассников теперь болит позвоночник. У Павла пока не болит, но, как говорится, песня еще не спета – в старости все поврежденья вылезут наружу. А ради чего старались? Исключительно за похвалу вожатой, за престиж среди таких же, как сам, юных дурачков, за благодарность, вынесенную на школьной линейке... то есть за воздушные замки, которые на хлеб никак не намажешь.

Если вспомнить учебу, опять же впору кричать караул. В школе не велось никаких дополнительных предметов. Сами учителя, хотя среди них попадались примитивно-добрые, интеллектом отнюдь не блистали. Школьный инвентарь вопиюще нуждался в обновлении: даже мяч, который они с непонятным теперь удовольствием гоняли по школьному двору, всегда был наполовину сдут. Там внутри протекала камера, и, вместо того чтобы купить новый, физкультурник из года в год выводил команды разыгрывать этот вечно помятый мяч.

В общем, детство выпало Павлу самое незначительное. Потом учеба, профессия, семья – все это мешало оставаться наедине с собой, поразмыслить о самом главном. Думаете, легко дорастить ребенка хотя бы до пятого класса? Легко, наверное, если все у вас поставлено четко: вы оплачиваете ясли, детсад, потом отдаете сына на школьную продленку, летом посылаете в лагерь или к родственникам в деревню. Жена стирает ему рубашки, покупает необходимые вещи – все! Остальное делается помимо вас. Но они с Ирой, когда завели ребенка, всю свою жизнь поставили с ног на голову. Ладушки-ладушки... полетаем к потолку... когда пойдем в парк?... время учить буквы... поедem, сам выберешь подарок ко дню рождения... и так далее и тому подобное. Уф, как он, Павел, от всего этого устал, хотя осознал свою усталость, как ни странно, совсем недавно, опять же этим летом. Видно, она в нем копилась, копилась и наконец выплеснулась. Зато уж теперь его в этот хомут больше не запряжешь: хватит, поездили...

Недавно он понял простую и в то же время великую истину: надо, чтобы человек был счастлив. В любом случае, без оговорок. Неважно, кто ты в действительности и есть ли у тебя то, что ты жаждешь иметь, – важно чувствовать себя обладающим. Какая разница, зиждется ли твое удовольствие на реальном основании или висит в виртуальной пустоте? Главное, что ты его ощущаешь! Нужна лишь волшебная палочка, которая превращает, пусть временно, тыкву в карету, кры-

су в кучера, а твои лохмотья в ослепительные наряды. И ты едешь на бал, на свой собственный праздник жизни, где все твое и все для тебя – как, собственно, и должно быть в настоящем мире. Однако увы... Бог редко дает человеку счастье, и никогда – полной чашей, ибо путь жизни, как известно, тернист. А если кто-то другой проложит параллельно этому неподъемному пути свою удобную, крытую асфальтом улочку?.. Где пойдет человек? Конечно, там, где легче идти, хотя в его путевой карте было отмечено совсем другое...

Такую волшебную палочку Павел сотворил сам в виде новой компьютерной программы игровой тематики. Он взялся за нее из-за Тимки, даже не предчувствуя, какое значение это будет иметь для него самого. Павел до последнего времени сильно переживал за сына: хрупкое сложение, чрезмерная впечатлительность, установленная врачами высота нервных реакций... Полный несуразной родительской любви, перехлестывающей в жалость, он хотел поддержать своего птенца чем-то интересным и необычным по жизни. Когда Ира увезла сына в деревню, Павел, оставшись один, начал разрабатывать вечерами игровую модель нового поколения – не зря считался в своей конторе талантливым программистом. Все, предназначавшееся сыну, он делал с охотой и старанием, а тут вообще попал в какую-то благоприятную психологическую колею. Стоило ему придумать какой-нибудь новый поворот, как за ним открывался еще лучший, еще более совершенный. Так вечерами, во время которых никто Павла не

отвлекал, создавалась в пустой квартире новая программа, которую теперь хоть на Нобелевскую премию выдвигай. Но раньше, чем это произойдет, Павел сам должен насладиться своим изобретением.

Ее особенность заключалась в том, что клиент, пожелавший играть, по-настоящему попадал в пространство за дисплеем. Это происходило, во-первых, благодаря фотографирующему устройству, передающему изображение данного человека дальше, в заранее выбранную ситуацию: в джунгли, на море и т. д. Сперва Павел подбирал то, что подходит Тимке, но потом стал работать под себя: так в его перечне появились кабаре с рулеткой, ночные клубы, заседания совета директоров родной фирмы и прочее, что подходит взрослому человеку. Сверхсенсорная программа облачала его реальную, считанную с фотографии фигуру в подходящую случаю одежду, и он видел на дисплее себя, а потом и вовсе стал чувствовать со своим компьютерным двойником полную идентификацию. От этого удачи и праздники, приготовленные для него в виртуальном пространстве, воспринимались как настоящие. Удовольствие он получал на пике чувств. Все это было сродни легкому наркотику, но, разумеется, без последующих синдромов ломки.

Павел сам не мог четко сформулировать, как ему удалось достичь такого эффекта. Ну хорошо – твоя собственная фотография, которая начинала на дисплее самостоятельно мыслить и действовать. Но ведь происходила полная транс-

плантация личности, можно сказать, живой человек перемещался во внутренние пространства, начинавшиеся по ту сторону дисплея. Для этого надо было нажать определенную комбинацию кнопок, означающую, что на время игры человек передает себя в руки – если у него есть руки – электронного разума, который, как туристическая фирма, гарантирует безопасность и последующее возвращение в реальный мир. А то могло получиться как в фантастическом рассказе Стивенсона «Мистер Джекил и мистер Хайт»: хороший человек превращался на время в своего гадкого двойника, чтобы наслаждаться жизнью без угрызений совести, а потом не смог вернуться в облик Джекила, да так и умер Хайтом.

Вот и в этой игре была похожая основа перерождения. Собственно, ее и игрой можно было назвать с натяжкой: постепенно она выродилась – или усовершенствовалась? – в прямой путь к наслаждению. А уж тут электронный разум превзошел все ожидания Павла: однажды он начал действовать самостоятельно, сверх запрограммированного! Перечень ситуаций, в любую из которых мог попасть клиент, автоматически разрастался: вчера их, к примеру, было на десять страниц дисплея, а сегодня на пятнадцать. А если клиент не вполне определился, электронный разум подсказывал, какое именно развлечение подойдет ему на данный момент. Очевидно, он улавливал мозговые импульсы клиента и расшифровывал их раньше хозяина, причем никогда не ошибался: Павлу еще ни разу не пришлось разочароваться

в ощущениях или пожалеть о времени, проведенном по ту сторону дисплея. Об этом надо было диссертацию писать, какие возможности кроются в этом продвинутом, далеко еще не изученном разуме. Но Павлу не хотелось сейчас брать на себя никакой большой труд, а жажду честолюбия он мог утолить теперь виртуально, пережив благодаря своей программе ситуацию триумфальной диссертационной защиты.

* * *

Нечего и говорить, что каждый вечер Павел пулей спешил с работы домой, к компьютеру. В фирме запускать программу не стоило, кто-нибудь всегда мог подойти, оторвать... Да и вообще, свое сокровенное человек должен скрывать от окружающих, а для Павла теперь таким сокровенным стали его виртуальные загулы. Говорят, в таких случаях в мозгу стирается грань между выдумкой и реальностью. Павел, наоборот, очень хорошо помнил, по какую сторону дисплея он в данный момент находится. Но при этом реальная жизнь нравилась ему все меньше, а виртуальные пространства – больше и больше...

Одно время, еще до женитьбы, ему приходилось поправлять свой студенческий бюджет, подрабатывая грузчиком на химзаводе. Он натягивал невозможно заляпанную робу, повязывал лицо марлей и в таком виде таскал мешки с порошком, выделявшим сквозь парусиновую упаковку вредные ис-

парения. Павел покрывался потом изнутри и ядовитой пылью снаружи. Между тем душ на заводе испортился, а начальство не спешило с починкой: по его мнению, немногочисленные пользователи вроде Павла могли помыться дома (он жил тогда в барачной постройке, где для мытья посреди кухни ставилась табуретка, а на нее – таз со специально подогретой водой). Поэтому хотелось решить вопрос иначе. При институтском спорткомплексе был бассейн, и вот Павел приловчился подгадывать свой сеанс плавания к концу рабочей смены, плюс время на дорогу. Единственным недостатком этой системы была необходимость ехать по городу в потной запачканной робе – ох уж эти до сих пор не забывшиеся тяжесть на плечах, неприятный запах, стыд перед сторонившимися его попутчиками! Но ведь не мог же он надевать свою приличную одежду на немытое тело? Зато в светлый вестибюль бассейна Павел вступал с победным предвкушением того, как он сейчас преобразится, каким ловким, прекрасным, буквально скрипящим от чистоты станет через несколько минут. словно в сказке про Сивку-Бурку: в одно лошадиное ухо влез дурачок-недотепа, из другого вылез супермен.

И вот такое же превращение ожидало теперь Павла каждый раз при входе в параллельную действительность. Прежде всего он стремился смыть с себя все нахватанное по эту сторону границы: свои заботы, депрессию, закомплексованность. Он входил в пространство за дисплеем, шатаясь

под бременем проблем, заплетающимися от усталости ногами. И сейчас же к нему, как спасатели к выползшему из-под обломков, устремлялись некие существа, представлявшие собой размножившийся электронный разум. Их можно было считать менеджерами, агентами, кураторами, да они и выглядели как вышколенные, соблюдающие дресс-код сотрудники фирмы. Именно они выкручивали для клиента ситуацию, способную доставить ему максимум удовольствия, и, выполняя свою задачу, лезли из кожи вон. Павел сам удивлялся, откуда в нем такая сложная глубина, такие тончайшие оттенки ощущений... Что и говорить, ему удалось разработать лучшую программу из всех известных на сегодняшний день!

А между тем тянулась обычная жизнь по эту сторону дисплея. Гениальный изобретатель вынужден был пережевывать свою жизненную жвачку: быт, работа, общение с людьми, которое он старался свести до минимума. На работе уже заметили, что Лучинин теперь не выходит в курилку поболтать. А тут еще Ирина с Тимкой приехали и сразу, конечно, началось: «Почему ты такой? Есть ли у тебя любовница?» От домашних ведь никуда не спрячешься. Они попадались под ноги, претендовали на его внимание; однажды он с трудом добрался до компьютера, потому что на пути у него был разревевшийся Тимка. И ведь не маленький уже, чтобы так напугать отца... Пришлось перенести сына в другую комнату, под аккомпанемент рыданий жены. И что ж ему так не по-

везло с семьей, раньше он этого не замечал...

Но можно терпеть любые жизненные трудности, любые неувязки, если при этом знаешь: настанет и твой час. После работы, после того как дома расчистишь дорогу к компьютеру, будет и на твоей улице праздник.

В салоне красоты образовалась очередь к искусной парикмахерше, превосходящей мастерством своих товарок, работавших за другими креслами. В этой очереди разговорились две женщины: ухоженная, в модном красном костюме, слушала худенькую, обветренную и возбужденную, часто встряхивавшую лохматой нестриженной головой. Одета она была в скромный свитер и спортивные, с полосками, брюки.

– Правда, я всегда считала, что такое только в книжках придумывают, – блестя глазами, говорила лохматая. – А в жизни не бывает. Ну вот вы посмотрите на меня – что я такое? – Она обвела вокруг себя растопыренные ладошки. – Ни кожи ни рожи, если по-честному. Да вы не думайте возражать, у меня самой глаза есть и зеркало тоже...

– Давай на «ты», – предложила ухоженная в красном костюме, которой нравились эта откровенность и простота. Она вообще не любила заумных людей, а еще больше – неискренних.

Собеседницы были уже не зеленые девчонки. Их женская пора находилась в самом зените, когда уже скапливается опыт и рассуждения должны потеснить прежние мечты, но главное место внутренней жизни по-прежнему занимает его величество Мужчина.

– Давайте, если хотите, – смущенно улыбаясь, отозвалась

лохматая. – Мы ведь с вами, наверно, ровесницы, в одном классе могли учиться.

– С тобой, – поправила ухоженная.

– Ну так пора знакомиться. Я Валя, а тебя как зовут?

– Светлана. Очень приятно.

– Мне тоже приятно, правда... – Казалось, с этого момента она уже считает новую знакомую близкой подругой. – Ну так вот, Света, я прямо как в тумане каком хожу... Это ж надо такому случиться – счастье само в руки упало! Главное, я уже не ждала...

– погоди, рассказывай по порядку, – заражаясь ее волнением, попросила слушательница. – Значит, ты не ждала, и вдруг...

– Вдруг у меня зуб заболел! И ноет, ноет, прямо сил нет...

– Только-то, – усмехнулась Света, – нечего сказать, счастье!

– С этого все началось. Начальница отпустила меня в аптеку за анальгином, иду и вдруг слышу за спиной: девушка! Оборачиваюсь – он.

– Ну и как он тебе на первый взгляд показался?

– Хорош, как и на второй. Нет, – перебила себя Валя. – Если честно, я на него сразу в таком плане не посмотрела. Это уж потом... Это уж теперь...

– Теперь-то я вижу: по уши влюбилась. А сразу отчего не смотрела?

– Стереотип сработал, Света. Восточный – значит терро-

рист либо наркобарон какой... в общем, опасный человек, – с раскаянием вздохнула Валя. – Такая вот цепь в мозгу, чисто автоматически.

– А он, значит, с Востока? – все более втягивалась в интригу Света.

– Ну да. Сперва я хотела убежать, но, видишь, не судьба...

– Нагнал и лапши на уши навешал!

– Меня так просто не догонишь, – Валя горделиво встряхнула своей лохматой головой. – Я спортсменка, занимаюсь профессиональным туризмом. К тому же тут троллейбус подошел, я в него вскочила, а он не поспел...

– Ну и что дальше?

– А вот слушай. Вернулась я на работу, зуб у меня сам собой, кстати, прошел, от эмоциональной встряски. Ну, стала заниматься делами, а вечером выхожу – он возле двери ждет, с розами.

– Ничего розы? – полюбопытствовала Света.

– Высший класс! До сих пор у меня дома стоят, не завяли. А было неделю назад. Так вот, протягивает он мне розы и говорит, быстро так, чтобы я снова не убежала, – девушка, говорит, это вам, мне от вас ничего не надо, если хотите, больше меня не увидите. А я говорю: раз вам ничего не надо, зачем цветы, и вообще, говорю, что все это значит? А он: я бы мог вам объяснить, только ведь вы, наверное, никуда со мной не пойдете, где можно было бы посидеть-поговорить?

– Штамповка, – откомментировала Света. – Обычный

трюк. Все они так подводят... Надеюсь, ты не клюнула?

– Нет, конечно, в смысле я не пошла с ним в ресторан. Давайте, говорю, сядем тут рядом на скамеечку и вы мне все объясните.

– А на месте постоять не могли? У него что, ноги отваливаются?

– Понимаешь, – доверительным тоном начала Валя, – моя начальница должна была выйти вслед за мной. Та еще старушенция, во все нос сует. Она еще из окна его увидела и начала кудахтать: ах террорист, ах взорвет сейчас весь наш инвентарь, всю нашу документацию... ну и нас самих заодно!

Женщины засмеялись.

– А что у вас за инвентарь, Валя, может, в нем бриллианты спрятаны? А в документах, случайно, не содержится информации о мировых террористах?

– В том-то и дело, – вытирая заслезившиеся от смеха глаза, подтвердила рассказчица. – Именно что бриллианты да информация. А вообще я в бюджетной организации работаю, – уже серьезно продолжала она. – В детском спортивном клубе. Инвентарь последний раз обновляли в девяностом году. Так что насчет бриллиантов...

В это время освободилось парикмахерское кресло, к которому тянулась очередь.

– Проходите, дамы, – пригласила парикмахерша.

Но дамы, вопреки обыкновению, медлили. Вале и Свете жаль было прервать спонтанно развернувшееся общение.

Обе чувствовали симпатию и доверие друг к другу: одна хотела высказаться, а другая дослушать до конца. Рассказ еще только приближался к своей кульминации: самые интересные и значимые события были впереди...

Промедлением воспользовалась невесть откуда взявшаяся тетенька строгого облика, заявившая, что она заняла здесь очередь и после этого отошла в магазин. А та, за кем она занимала, тоже куда-то отошла, таким образом, сейчас законная очередь ее самой, отходившей и вернувшейся. В ином случае ни Света ни Валя не сочли бы это объяснение убедительным, но на сей раз спорить не стали.

– Итак, Валюша...

– Значит, отошли мы с ним на скамеечку, тут и началось. Я, говорит, могу полюбить только настоящую женщину, в смысле хорошую, умную и трудовую, не пустышку какую-нибудь и не бездельницу... И к тому же красивую. Я спрашиваю, а при чем тут я? И вот представляешь, Света, оказывается, ты видишь перед собой ту самую женщину, которую единственно можно полюбить!

– И ты поверила такой пошлости? – поморщилась подруга.

– Это, когда я повторяю, кажется пошло, а когда он говорил, совсем другое дело... потому что искренне. Ну ладно, думаю, это все слова – надо посмотреть на дело...

– А какие у тебя с ним могут быть дела? – воскликнула Света. – Ты что, завела дела с первым встречным?

– Ничего я не завела... Адрес, телефон свой давать не стала и провожать себя запретила. Так что ты думаешь: на следующий день он встречает меня возле работы с корзинкой винограда! Возьмите, говорит, мне ничего от вас не нужно, просто я вам хочу подарить!

– И ты взяла? – В голосе Светы слышалось слабое неодобрение.

– А что, надо было человека обидеть? Ведь он же от чистого сердца!.. Да и виноград был просто чудо: мускатный, все пальчики оближешь!

– А еще что-нибудь он тебе дарил? Я имею в виду потом? Валя зачарованно кивала: подарков у нее за одну только неделю набралось достаточно. Да и практически каждое его слово было само по себе подарком. Как он говорил: «Ты очень красива, Валя, только еще сама этого не знаешь. Потому и другие не знают. Надо им показать, какая ты красивая», – и дал денег на то, чтобы показать, в том числе на эту самую парикмахерскую.

– Понимаешь, Свет, я никогда не занималась собой, как вот ты и другие женщины. У меня не было на это средств, времени... Да честно сказать, и стимула тоже! Но теперь-то я наверстаю... – она бросила взгляд в сторону кресла, где обрабатывали голову тетки, втершейся не в свою очередь. – Я теперь и кожу и рожу себе сотворю! Ты не смотри, что у меня штаны спортивные, я просто еще не успела...

– Слушай, а если это неспроста? – вдруг с беспокойством

спросила Света. – Если ему от тебя что-то нужно?

Валя вскинулась, словно ее шилом кольнули. Похоже, она уже сама задавала себе этот вопрос и сейчас надеялась, что он не всплывет на поверхность. А он вот все-таки всплыл, взбаламутив в душе осадок собственных сомнений, о которых она хотела забыть:

– Что ему может быть нужно? Моя квартира? Так я в коммуналке живу, где потолок скоро на голову упадет! Или, может быть, деньги, которых у меня сроду не было? – Валя так возбудилась, что почти кричала, привлекая взгляды со стороны. – Или я великий ученый, чтобы выкрасть у меня какое-нибудь открытие, формулу какую секретную?!

– Вы в сушку, – прозвучал утомленный голос парикмахерши. – А следующая в кресло.

– Знаешь что, Валя, запиши мне свой телефон, – попросила Света, вставая с диванчика. – Я тебе потом позвоню. Мне не хочется, чтобы мы с тобой потерялись...

Валя уже опять улыбалась:

– Если везет, так уж во всем... Не думала я, что здесь в очереди подругу найду. Просто потрясающее везенье!

Она снова начала сиять, имея в виду, конечно, не только и не столько подругу.

Но характер у нее, сразу видно, был отходчивый. Свете действительно захотелось с ней дружить: она любила людей с душой нараспашку. А то вон взять соседку Ирину: и квартиры-то у них рядом, и сыновья одноклассники, а настоящей

дружбы не получается. Ты ей обо всем расскажешь, всю себя наизнанку вывернешь, а она молчит как немая.

* * *

Света проследовала в кресло, и тут к Вале со стороны сушки подошла давешняя тетка с головой, замотанной в полотенце. Из-под наверхутого тюрбана смотрели напряженные внимательные глаза: такие бывают у людей, постоянно имеющих дело с какими-нибудь неприятностями, болезнями, напастями. А между глаз залегла косая морщинка.

— Женщина, хочу вам сказать. Вы тут так громко обсуждали свои дела... В общем, от человека сейчас можно получить не только квартиру или еще какие-то материальные блага. Можно получить его самого. На органы, например...

Валя открыла рот, чтобы поставить ее на место, но не нашла от неожиданности слов. А вот эта мрачная прорицательница за словом в карман не лезла:

— Не на органы, так еще что-нибудь. Через определенного человека можно получить доступ к другим людям либо к каким-то особым сведениям. Извините, но я должна была вас предупредить. Я не раз с этим сталкивалась по службе...

Все-таки Вале испортили настроение!

В понедельник у 5 «А» последним уроком была литература. Тимка любил бы этот урок, если бы мог думать последнее время о чем-нибудь, кроме своей беды. Она заполняла его без остатка. Нельзя жить по-прежнему, в то время как у тебя украли папу – несмотря на то, что кто-то очень похожий на него каждый вечер сидит в большой комнате за компьютером.

А по литературе проходили сказки Андерсена. Тимка их очень любил, еще с тех пор, как сам не умел читать и просил, чтобы ему читали вслух. Особенно нравилась Тимке «Снежная королева», которую как раз разбирали сегодня на уроке. Надо было дочитать дома последнюю главу, а теперь Людмила Викторовна задавала по ней вопросы:

– Как вы думаете, из-за чего у Кая испортился характер?

– Потому что ему в глаз попал кусочек кривого зеркала!..

И в сердце тоже!.. – закричали с места нетерпеливые ученики. – Если бы не они, Кай оставался бы таким же добрым и умным, как раньше!

– Что же это за зеркало было, от которого разлетелись такие вредные осколки?

– Это было колдовское зеркало! Его сделал злой тролль...

Тимка подумал, что тут, пожалуй, есть сходство с его собственной ситуацией: какие-то новые выдумки злого тролля

позволили заменить папу прежнего на того, которым он стал теперь... то есть украсть человека и заменить его неживым, который ничего не чувствует...

Сзади на стол шлепнулась записка – от Славки, наверное. Друг был выше ростом, поэтому их никогда не сажали вместе. Раньше оба они всерьез об этом переживали, но последнее время Тимка понял, что, оказывается, все к лучшему: сейчас бы у него просто не хватило сил на такого заводного соседа, как Славка. Раньше, когда он сам был таким же счастливым и беззаботным, у них нашлось бы много общих дел, которыми можно тайком заниматься во время урока. А сейчас все изменилось: Славка остался самим собой, в то время как Тимка уже не годился для прежней, озорной и веселой мальчишеской жизни. И хотя они продолжали оставаться друзьями, им теперь было не по дороге. Тимка чувствовал: нельзя просить друга войти вместе с ним в его горе. Этот путь, как он уже понял, делят с человеком только самые близкие... Да и то большую его часть каждый проходит в одиночку.

На клочке бумаги было написано: «Тимыч, будь человеком, пойдем со мной сегодня к психологу. Мать меня посылает, а на хрен я один пойду! Бауньки?» Тимка вздохнул: друг все еще не понял того, о чем сам он только что думал. Счастливые не все понимают. Их проблемы кажутся им серьезными, в то время как на самом деле гроша ломаного не стоят. К примеру, раньше Тимка тоже готов был бояться это-

го странного психолога, а теперь ему на это наплевать. Чего еще можно бояться, если самое ужасное уже случилось?

Но для Славки-то все оставалось по-прежнему: ему и в самом деле страшно пойти в уединенную комнатку на четвертый этаж, все равно что подняться в замок людоеда. Не зря друг просит составить ему компанию. И Тимка приписал внизу бумажного лоскута: «Ладно, старик, если буду жив». Мало ли что случится: говорят, с горя может лопнуть сердце...

* * *

– А сейчас Маша Малышева расскажет нам, какое решение приняла Герда, когда исчез Кай, – прозвучал ровный голос Людмилы Викторовны.

Отличница Малышева встала с места:

– Она пошла за ним, чтобы вернуть его домой.

– А она знала, где его надо искать?

– Нет, не знала. Но она решила обойти весь свет, чтобы его найти.

– А ведь это нелегко, ребята, – обойти весь свет, – сказала Людмила Викторовна. – Как вы думаете, почему Герда сумела преодолеть все препятствия? В чем заключалась ее сила?

– В том, что она «милый невинный ребенок»! – подскочила на стуле Карлова. – Это сказала старушка финка!

– А как ты понимаешь ее слова?

Карлова не нашлась что ответить. Вообще-то в прежние времена она нравилась Тимке, несмотря на недостатки характера. Он даже начал было влюбляться в нее, но тут произошла история с папой, и все эти глупости сами собой закончились.

– Повторяю вопрос: почему Герде удалось найти Кая? Думаем все!

– Она очень хотела его найти, а когда человек чего-нибудь хочет, у него это получается, – сказала Маша.

– Она нашла Кая потому, что правильно искала! – толстощекий Денис говорил, чуть выпячивая от важности нижнюю губу. – Когда проводишь поиски, надо обходить заранее намеченные участки... ну, места, где он может быть, и всех о нем спрашивать. Герда так и делала, поэтому она его и нашла!

– Ей помогали разные животные, – добавил Аркашка Меньшибратов – тот самый, который хотел взять в поход свою собаку. – Ворон с вороной, олень и лесные голуби, которые указали дорогу!

– А еще маленькая разбойница! – подскочила на месте Карлова. – И две старушки-волшебницы, лапландка и финка!

– Не перебивай, Лиза, – остановила ее Людмила Викторовна. – Иначе мы просто перестанем слышать друг друга.

– Да я уже все сказал, Людмила Викторовна, про животных.

– И я уже все сказала про людей!

– Послушаем Тимофея, – вдруг предложила Людмила Викторовна.

– Меня? – растерялся Тимка.

Ведь он не поднимал руку, как делает ученик, когда хочет что-то сказать! А просто так вызывают только в начала урока, когда идет фронтальный опрос. Во время общего разговора Людмила Викторовна спрашивала обычно тех, кто сам хочет ответить.

– Не волнуйся, Тимофей, просто скажи свое мнение: почему Герде удалось спасти Кая?

– Потому что она его любила, – необдуманно брякнул Тимка.

Это было сказано сгоряча и вызвало в классе дружный хохот:

– Ха-ха-ха! – тряс щеками толстый Денис.

– Хи-хи-хи! – заливалась Карлова.

И все вокруг веселились, только Славка из дружеской солидарности смотрел, нахмурясь, в стол, как бы говоря: ну и сморозил же ты, старик, глупость – теперь вот расплачивайся...

– Тихо! – стукнула ладонью о стол Людмила Викторовна.

Класс притих: обычно учительница повышала голос не часто.

– Почему это вы смеетесь – о любви никогда не слыхали? Да мы тут вовсе не про ту любовь говорим, о которой вы все

подумали. Совсем о другой любви!

Теперь все стали поглядывать на Тимку с уважением: есть, значит, какая-то особенная любовь, о которой никто не знает, а Тимка Лучинин знает. Славка перестал хмуриться и поднял руку:

– А что это за «другая любовь», Людмила Викторовна?

Учительница на минутку замялась.

– Как бы вам объяснить... В общем, это такое чувство, которое побуждает творить добро. Человеческая любовь...

– Какая еще «человеческая»? – недоумевал Славка.

– Если ты любишь кого-то по-человечески, ты будешь выручать его из беды. Даже подвиг для него совершишь, если потребуется. Как Герда... Ведь она, в сущности, совершила подвиг – спасла своего друга от злых чар.

– Значит, она все-таки любила Кая? – в глазах Славки зажглись лукавые огоньки, говорящие о том, что слово «любовь» он понимает по-прежнему, безо всяких там «добро» или «подвиг».

– Любовь, о которой мы говорим, должна быть между всеми людьми. Вот ты любишь своих родителей?

– Ну люблю. – Славка посмотрел озадаченно: при чем тут родители? – Конечно, люблю, только мама меня много куда ходить заставляет. И в клуб «Путешественник», и к психологу записала, а психолог еще сказал, что надо в Центре творчества заниматься карате, – жаловался Славка. – А у меня голова после этого болит!

В классе опять приготовились смеяться, Карлова уже тоненько фыркнула: на пробу, поддержат ее или нет. Людмила Викторовна нахмурилась, и она деловито сморщила лоб, как будто нет девочки на свете серьезней и озабоченней ее.

– Может быть, Славик, тебе действительно трудно всюду поспеть. Но мы говорим сейчас не об этом. Я думаю, ты любишь своих родителей. Если бы с ними, не дай Бог, случилась какая-нибудь беда, ты пришел бы на помощь, правда?

– Конечно, – согласился Славка.

– Вот это и есть та самая человеческая любовь, о которой идет речь. Любовь-Добро, Любовь-Благо. Такой Любви учит нас христианство – религия, которую принес на землю Иисус Христос.

– Кто это Христос? – переспросили в классе. – Он, что ли, Бог?

– Богочеловек, если сказать точнее... То есть Бог, воплотившийся в человека.

– Зачем?

– Чтобы спасти людей. Насколько я знаю, надо было принести жертву за человечество и от лица человечества, а никто не мог сделать этого, кроме Бога, – объясняла Людмила Викторовна. – Поэтому Бог принес ее в человеческом виде. Он также оставил людям учение, как надо жить.

Несколько секунд класс молчал. Что-то было во всем этом особенное, не до конца понятное, но значительное. И еще привлекало то, как разговаривала с ними учительница – со-

всем по-взрослому, словно сама раздумывала над своими словами и попутно советовалась с классом.

– А Иисус Христос как-нибудь помог Герде? – спросила вдруг Маша Малышева.

– Ах да! Я как раз хотела вам рассказать, – спохватилась Людмила Викторовна. – Вернее, прочитать. Андерсен написал об этом, но сохранилось только в старинных книжках. Потому что советская цензура выбрасывала этот текст... Вы знаете, что такое цензура?

После того как объяснили значение слова, Людмила Викторовна достала из сумки книгу с пожелтевшими от времени страницами. Оказывается, Андерсен написал о том, что, подходя к замку Снежной Королевы, Герда читала «Отче наш» – главную молитву, которую принес на землю Иисус Христос. Этим она отбивалась от нападавших на нее снежных хлопьев, которые на самом деле были передовыми войсками Снежной королевы. «Было так холодно, что дыхание девочки сейчас же превращалось в густой туман, – читала учительница. – Туман этот все сгущался и сгущался, но вот из него начали выделяться маленькие, светлые ангелочки, которые, ступив на землю, вырастали в больших грозных ангелов со шлемами на головах и копьями и щитами в руках. Число их все пребывало, и, когда Герда окончила молитву, вокруг нее образовался уже целый легион. Ангелы приняли снежных страшилищ на копья, и те рассыпались на тысячу кусков. Герда могла теперь смело идти вперед; ангелы глади-

ли ее руки и ноги, и ей не было уже так холодно».

– Круто! – не удержался Славка. – Чтобы от слов получался туман, из которого выходят воины!.. А вы знаете эту молитву – «Отче наш»?

Людмила Викторовна покачала головой, и тут уже прозвенел звонок. Литература была у пятиклассников последним уроком, школьный день закончился. Все стали поспешно запихивать в портфель книжки, тетради; шуметь и галдеть, торопясь скорее домой. Тех, кто оставался на продленный день, Людмила Викторовна повела в столовую. А Тимка сидел на месте, пораженный внезапно возникшей мыслью: да ведь это ему, как Герде, надо пуститься в странствия и спасти любимого человека от злых чар! Найти настоящего папу, которого украли злые силы... Как же он раньше не додумался?!

– Ты идешь домой? – подбежал к нему Славка.

– Я потом... Я сегодня дежурный, – отговорился он первым, что в голову пришло.

– Твоя разве очередь?

– Людмила Викторовна просила, – процедил сквозь зубы Тимка: он не любил врать, но сейчас ему было необходимо остаться наедине с собой.

– Давай, помогу тебе отдежурить? – продолжал клеить общение Славик.

Тимка замотал головой. По лицу друга было видно, что он может наконец обидеться, – но тут сзади на него навалились

Аркашка Меньшебратов и толстый Денис, которым хотелось устроить кучу малу. Славка на своей спине выволок их из класса, и все трое клубком покатались дальше, к лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.